

Вырезка из газеты

ПРАВДА

от 26 МАЯ 40. 9 Газета №

Москва

ВОЗВЫШАЮЩИЙ ПРИМЕР

Это было еще в годы учебы Чайковского в Петербургской консерватории. Антон Рубинштейн, в классе которого занимался Петр Ильич, поручил ему написать вариации на заданную тему; он добавил также, что в этой работе важно не только качество, но и количество. На следующий урок Чайковский принес... более двухсот вариаций! «Куда же мне было,— смеясь, говорил Рубинштейн,— посмотреть все это, пришлось бы употребить гораздо больше времени, нежели во сколько они были написаны».

Феноменальную работоспособность и упорство, удивительную любовь к труду, приобретенные еще на ученической скамье, Чайковский сохранил на всю жизнь.

Это был омерзительный страстью к работе художник. «Работа,— писал он Надежде фон-Мекк,— есть для меня величайшее и ни с чем несравнимое благо». Стоило ему один—два дня не работать, нарушить установленный трудовой режим, как печаль и страх за будущее одолевали его.

«Праздник жизни меня мучит, как сознание содеянного преступления... Как-то совесть нечиста от сознания себя празднующимся россиянином»,— писал он в письмах к своим друзьям.

Чайковский любил сочинять к определенному сроку. Его друзья Ларош и Направник нередко «ворчали», что Чайковский так молниеносно быстро писал свои произведения. Но быстрота работы была коренным его свойством. «Все дело в том, чтобы писать с любовью»,— прибавлял он. «Спящая красавица» была написана композитором в три недели. «Евгений Онегин»—также невероятно быстро. А «Школьную даму» Чайковский сочинил в 44 дня!

Когда по эскизным наброскам, по письмам еще раз восстанавливаешь мысленно весь творческий процесс работы Чайковского над «Школьной дамой», испытываешь какое-то благоговейное изумление перед этой непостижимой силой гения. И вместе с тем хорошо понимаешь, что одной только огромной одаренностью Чайковского не объяснить этой сказочной быстроты творчества. Здесь гений выступал во всеоружии художественной техники, замечательного, несравненного мастерства.

Эту борьбу за технику, за мастерство Чайковский начинал уже тогда, когда готовил 200 вариаций в классе своего учителя Рубинштейна, и вел ее всю жизнь, не прекращая. Необычайно требовательный к себе, почти никогда не удовлетворенный, неустанно двигавшийся вперед, Чайковский упорно выработывал для себя новые средства музыкальной выразительности, новые приемы мастерства.

«С тех пор, как я начал писать,—отмечал он в одном из писем,—я поставил себе задачей быть в своем деле тем, чем были в этом деле величайшие музыкальные мастера: Моцарт, Бетховен, Шуберт, то-есть не то, чтобы быть столь же великим, как они, а быть так же, как они, сочинителем на манер сапожников, а не на манер бар, каковым был у нас Глинка, гения коего, впрочем, я и не думаю отрицать. Моцарт, Бетховен, Шуберт, Мендельсон, Шуман сочинили свои бессмертные творения совершенно так, как сапожник шьет свои сапоги, то-есть изо дня в день, и, по большей части, по заказу. В результате выходило нечто колоссальное. Будь Глинка сапожник, а не барин,—у него вместо двух (правда, превосходных) опер, было бы их написано пятнадцать, да в придачу к ним штук десять чудных симфоний. Я готов плакать от досады, когда

думаю о том, что бы нам дал Глинка, родись он не в барской среде... Музыкант, если он хочет дорасти до той высоты, на которую, по размерам дарования, может рассчитывать, должен воспитать в себе ремесленника».

На первый взгляд эти слова кажутся совершенно неожиданными в устах Чайковского—композитора, музыка которого всегда столь искренне-вдохновенна, непосредственна, столь капризно-эмоциональна. Но как раз именно в этих словах—весь Чайковский, его художественное «предо».

Невидя барскую обломовщину, Чайковский жестоко преследовал в искусстве всякое проявление дилетантизма. Он не терпел в музыкантской среде легкого, бездумного отношения к работе. Возводя музыканта в ранг «ремесленника» (типа Бетховена и Моцарта!), он желал лишь утвердить за ним высокое и почетное звание художника-профессионала и обеспечить ему надлежащее место полезного члена общества. Ведь не надо забывать, что в ту пору в России далеко еще не был изжит высокомерный и оскорбительный взгляд на занятие искусством, как на приятное развлечение—«между делом безделье».

Труд композитора был для Чайковского высокой общественной миссией. При этом самая склонность его к спешной работе («работая, как каторжник, с какой-то страстной усидчивостью») таила в себе лишь одно: боязнь не успеть сделать все намеченное. «Боже мой, как жизнь коротка! Сколько мне нужно еще сделать... Успею ли?.. А охота (работать.—М. Г.), чем дальше, тем больше делается, планы мои растут, и, право, двух жизней мало, чтобы все исполнить, что бы хотелось! Наша жизнь возмутительно коротка!!» Об этом Чайковский не перестает постоянно твердить.

Но не только к своей композиторской работе так относился Чайковский. Что бы он ни делал: переводил ли на русский язык либретто «Свадьбы Фигаро» своего кумира Моцарта, писал ли речитативы для оперы Обера «Черное домино», дирижировал ли в концертах, промил ли, издаваясь и негодуя, на шумевшего в свое время «бездарного певца» Атринчева-Славянского, выступавшего с исполнением псевдонимных песенок и романсов вроде «Душенька Маша» (и тогда были «Машки!»),—всегда и неизменно Чайковский выступал как передовой русский музыкант, пропагандирующий родное искусство, заботящийся о его славе и процветании.

Надо ли говорить о том, как близки, понятны и дороги нам эти черты творческого облика Чайковского!

Советскому музыканту, художнику страны победившего социализма, совершенно не знакома та тяжелая обстановка постоянной зависимости, неуверенности в завтрашнем дне, душевного одиночества, в которой приходилось жить и работать Чайковскому. Советскому музыканту созданы самые благоприятные условия для творчества. С любовью и живейшим интересом вся страна следит за ростом и развитием наших молодых талантов. Им остается только работать,—неустанно, трудолюбиво, бескорыстно. И пусть в этой работе вдохновляет их благородный образ великого труженика Чайковского, скромного, взыскательного к себе, никогда не успокаивавшегося на достигнутом, посвятившего всю свою «жизнь в искусстве» самоотверженному служению народу.

М. ГРИНБЕРГ.